

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕКОТОРЫХ НОВЕЙШИХ ИНИЦИАТИВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Леонид Головко

*Заведующий кафедрой уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора юридического
факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор (e-mail: leogol1967@gmail.com)*

Как отмечал в свое время выдающийся процессуалист, профессор МГУ Н. Н. Полянский: «Одно из главных отличий английской уголовно-судебной организации от континентальной заключается в отсутствии фигуры судебного следователя – органа, который сам разыскивает доказательства, а не ограничивается закреплением и проверкой доказательств, представляемых сторонами». ¹ Эта мысль высказана достаточно давно, однако полностью сохраняет свою актуальность: в ней отражен основной нерв фундаментального сравнительно-правового противостояния между континентальным и англо-американским уголовным процессом, которое сегодня в известной мере стало противостоянием геополитическим.

Иначе говоря, без следователя (судебного следователя) невозможно предварительное следствие, а без него в свою очередь невозможна вся континентальная конструкция уголовного процесса. Без следователя и предварительного следствия уголовный процесс либо может быть построен по англо-американской модели (при наличии соответствующих традиций), либо вовсе представляет собой некое аморфное образование (если таких традиций нет), не обеспечивающее ни эффективность правосудия, ни права и свободы личности.

Говоря предельно схематично, континентальный подход к уголовному процессу, опирающийся на доктрину предварительного следствия, характеризуется двумя важнейшими признаками:

во-первых, здесь есть особая процессуальная фигура следователя, т. е. процессуально самостоятельного должностного лица, собирающего полноценные доказательства («судебные доказательства», как принято говорить на традиционном процессуальном языке) в целях установления истины (всех обстоятельств дела, причем как *pro*, так и *contra*); ²

¹ Полянский Н. Н. Уголовное право и уголовный суд в Англии. М., 1937, с. 185 – 186.

² Как отмечает в своей книге известный французский адвокат Д. Иншоспé, «если не считать каких-то исключительных случаев (например, когда речь идет о сведениях между собой счетов представителями разных судебных профессий в небольших нижестоящих судах), следственные судьи действительно занимаются установлением истины, а не поиском виновных любой ценой». Им удается в подавляющем большинстве случаев установить все значимые обстоятельства дела, свидетельством чему, по мнению автора (профессионального защитника), является судебная практика, а именно мизерное количество дел, возобновляемых по новым или вновь открывшимся обстоятельствам (всего несколько дел с 1945 г. по наши дни) – таких обстоятельств просто не

во-вторых, следователь не является и ни при каких условиях не может являться стороной по делу, так как он предстает в виде системообразующего центра предварительного следствия, то есть не просто следователя, а *судебного следователя* (не всегда в формальном, но всегда в сущностном смысле¹).

УПК РФ сохранил классическую структуру предварительного следствия, ставшую традиционной для нашей страны с момента Судебной реформы 1864 г. или даже *mutatis mutandis* раньше², но «надломил» один из двух ее названных сущностных признаков, провозгласив следователя *представителем стороны обвинения* (гл. 6 УПК РФ). С теоретической точки зрения, речь, конечно, идет об очевидной процессуальной бессмыслице, сочетающей несочетаемое: в рамках континентального следствия следователь не может относиться к стороне обвинения (либо предварительное следствие, либо «сторона обвинения»).

В такой ситуации уголовно-процессуальная система оказалась перед неизбежным выбором, обусловленным заложенным в ней противоречием. Естественная институциональная логика развития требует преодоления противоречия в пользу *только одного* из двух взаимоисключающих вариантов: а) либо устранения деформации (по крайней мере, в правоприменительном измерении, но в идеале также и нормативно) и восстановления одного из важнейших сущностных признаков континентальной уголовно-процессуальной логики, в соответствии с которой следователь (судебный следователь) по определению не может считаться стороной, что означает самосохранение или даже, если угодно, выживание в России классической модели предварительного следствия; б) либо окончательной реализации заложенной в УПК РФ идеи и превращения следователя в полноценную сторону обвинения, что означает разрушение классической системы предварительного следствия, а вместе с ней и всей континентальной модели уголовного судопроизводства, поскольку, как мы выяснили, без предварительного следствия последняя существовать не может.

Любые попытки затянуть выбор между двумя обозначенными вариантами, найти компромисс, сохранить альтернативу («окно возможностей») и т. п. инсти-

---

обнаруживается в силу надлежащего проведения предварительного следствия, в том числе в интересах защиты (*Inchauspé D. L'innocence judiciaire. Paris. PUF. 2012. P. 82, 84*). Именно по этой причине Д. Иншоспé, будучи адвокатом, является активным сторонником континентальной системы предварительного следствия. Французский пример показывает, что многие постсоветские проблемы, связанные с пресловутым «обвинительным уклоном» следователей, имеют не институциональный, а персональный характер.

¹ Иначе говоря, в том же самом смысле, в каком закон регламентирует, например, в России институт *судебной экспертизы*, размещая положения о нем (гл. 27 УПК РФ) в разделе VIII УПК РФ о предварительном расследовании, входящем в структуру *досудебного* производства. Понятие «судебная» применительно к экспертизе используется как синоним полной процессуальности. Точно также французы или бельгийцы говорят о «судебной полиции» не потому, что она входит в состав судебного ведомства (на самом деле полиция всегда подчинена МВД, а в некоторых случаях во Франции даже Министерству обороны, и не имеет никакого организационного отношения к судам), а потому, что выполняет полноценные *процессуальные* функции в качестве органа дознания (см. подробнее: *Головко Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М., 1995, с. 15 – 16*).

² См.: *Васильев О. Л. Глава 3. Реформа следствия: предпосылки, результаты, значение // Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов. Т. II. Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л. В. Головки. М., 2014, с. 131 – 150.*

туционально являются временными и паллиативными. Тактически они допустимы, но стратегически бесплодны. Рано или поздно выбор придется сделать, причем время здесь не идет на пользу – оно лишь подтачивает важнейшие для уголовного процесса несущие конструкции, которые потом будет очень сложно ремонтировать. В целом, ситуация пока не определилась окончательно и остается достаточно нестабильной.

С одной стороны, за истекшие полтора десятка лет с момента принятия УПК РФ система предварительного следствия в России сохранилась, что на данном этапе является, пожалуй, самым главным.

С другой стороны, нельзя не заметить и попыток ее разрушить, которые проявляются в виде периодически возникающих инициатив, сопровождающихся рутинными рассуждениями о «добрых намерениях», но на самом деле направленных на радикальную смену в нашей стране уголовно-процессуальной парадигмы и отказ от традиционного предварительного следствия. Все эти инициативы в той или иной степени опираются на заложенную еще в 2002 г. «теоретическую мину», в соответствии с которой следователь является всего лишь представителем стороны обвинения и не более того. Речь по сути идет о приведении в движение этой «мины», которая и должна, по замыслу сторонников альтернативной модели уголовного процесса, «разорвать» классическое для России следствие. Но как это сделать технически?

Если следователь позиционируется не в качестве системообразующего центра предварительного следствия, а в качестве лишь представителя одной из действующих в ходе расследования сторон (стороны обвинения), то необходимо институционально «достроить» такую систему, процессуально сконструировав два недостающих элемента: 1) другую сторону (знаменитое «параллельное» расследование защиты); 2) новый судебный системообразующий центр, перед которым стороны обвинения и защиты будут в ходе расследования состязаться (институт так называемых «следственных судей»).

Будет ли такая система работать? Может ли она в принципе работать с учетом, например, естественного неравенства сторон в уголовном процессе (государство не может обладать одинаковыми властными полномочиями с отдельно взятым гражданином и его защитником), государственной монополии на ограничение конституционных прав граждан¹, института мер пресечения и т. п.? Конечно, нет. Работать она не будет и не может. Однако, как ни странно, это не особенно сильно волнует ее сторонников, поскольку преследуемая ими цель, как представляется, является не столько социальной (добиться улучшения положения гражданина), сколько «инженерной» – демонтировать одну процессуальную

¹ Понятно, например, что сегодня значительная часть доказательств собирается путем следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан (обыски в жилище, контроль и запись переговоров, получение информации о соединении между абонентами и абонентскими устройствами и т. д.). Понятно также, что защита при любых обстоятельствах такого рода действий производить не вправе. Как она тогда может производить эффективное расследование? Никак. Речь идет о мифе и не более того. Даже в США защита получает доказательства, главным образом, не путем производства каких-то самостоятельных действий, а в силу процедур «обязательного раскрытия» доказательств стороной обвинения, то есть по сути в рамках ознакомления с материалами дела, говоря более привычным нам процессуальным языком.

систему и смоделировать вместо нее другую, построенную в духе англо-американской процессуальной логики, причем в «экспортном» исполнении. Эффективность последней отходит на второй план перед задачами более «высокого» порядка.¹

Именно в таком контексте следует, допустим, понимать и оценивать недавнюю инициативу о введении в России института так называемых «следственных судей», которая достаточно широко обсуждалась в юридическом сообществе и уже реализована без видимых практических успехов в некоторых государствах постсоветского пространства (Украина, Казахстан, страны Прибалтики и др.). Она направлена отнюдь не на оптимизацию предварительного следствия, как уверяли и продолжают уверять нас ее сторонники, а на его почти полный демонтаж², причем, как показывает постсоветский опыт, демонтаж неумелый и неудачный, свидетельством чему является не только постоянное «восстановление из пепла» континентального предварительного следствия, испытывающего разве что никому не нужные деформации, но и контрреформы, произошедшие, допустим, в Молдавии или Эстонии и связанные с даже чисто технической невозможностью функционирования умозрительной идеи.³

По замыслу реформаторов следственные судьи должны предстать здесь тем самым новым центром расследования, который позволит следователям ощу-

---

¹ Характерно почти полное игнорирование эмпирических результатов разного рода «экспериментов», проведенных в тех странах, которые попытались имплементировать состязательное предварительное расследование в описанном духе. Например, многие предлагаемые в России уголовно-процессуальные новации уже были реализованы в УПК Украины, принятом в 2012 г. и даже действовали почти два года на территории современного Крымского федерального округа. Срок, казалось бы, достаточный, чтобы понять, насколько они эффективны для прав граждан, благотворны для оптимизации инвестиционного климата, позитивно влияют на справедливость правосудия и т. п. Однако, сторонники российских реформ удивительным образом не замечают украинско-крымской эмпирики, хотя в других случаях стараются нас убедить в своей абсолютной научной приверженности «эмпирическим методам» исследования в праве. Или другой пример: некоторые авторы, декларируя себя сторонниками «правового реализма», отмечают психологический обвинительный уклон в деятельности следователя (*Гамбарян А. С., Симонян С. А.* Судебное депонирование показаний в современном уголовном процессе. М., 2016, с. 23). Но уже через несколько страниц, ратуя за повсеместное введение института депонирования доказательств, они становятся бескомпромиссными нормативистами, ограничиваясь ссылками на наличие такого института в УПК Молдавии 2003 г., УПК Эстонии, украинском законодательстве, различных законах США, УПК Сингапура, Мьянмы и даже Южного Судана (Там же. с. 32 – 37). При всем уважении к законодательству Южного Судана остается непонятным, как там работают данные нормы с точки зрения «правового реализма»? Это уважаемых авторов почему-то совершенно не интересует. Их подход можно назвать «селективным правовым реализмом», что, безусловно, является новым словом в теории права.

² См. об этом подробнее: *Головко Л. В.* Институт следственных судей: американизация путем манипуляции // РАПСИ (http://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.html); *Головко Л. В.* Следственные судьи или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса? // Закон.ру (http://zakon.ru/blog/2015/3/16/sledstvennye_sudi_ili_ocherednoj_raund_amerikanizacii_rossijskogo_ugolovnog_processa).

³ См., например: *Зинченко И. А.* Штрихи к дискуссии о включении института следственного судьи в российское досудебное уголовное судопроизводство // МАСП (<http://www.iaaj.net/node/1883>).

тить себя подлинной «стороной» в процессе, действующей на равных правах со стороной защиты. Ни для чего более они не нужны. Все сопутствующие рассуждения об «эффективности» расследования, его ускорении и «дебюрократизации», разгрузке судов и т. п.¹ – это от лукавого. От лукавого, и попытка легитимировать институт следственных судей через сугубо техническую призму так называемого «судебного депонирования» доказательств. Дескать, эксперты международных организаций и сочувствующие им национальные акторы озабочены случаями невозможности по объективным причинам допроса в суде некоторых свидетелей (умерших, заболевших, находящихся в стране проездом и т. п.) и ради решения этой далеко не самой глобальной проблемы готовы реализовать сложный институциональный механизм следственных судей. На самом деле все эти якобы исключительно технические нововведения лишь прикрывают попытку глубокой концептуальной трансформации предварительного следствия, сопряженной фактически с отказом от классического наследия. Впрочем, сторонники «судебного депонирования» этого и не скрывают, отмечая, что ограниченное применение данного института необходимо лишь на «данном этапе»², после чего вокруг института должна быть выстроена искомая и пока что абсолютно виртуальная (если не сказать - чисто «кинематографическая») система равного противостояния двух обладающих «одинаковым оружием» сторон: обвинения и защиты, состояющих в сборе доказательств перед беспристрастным следственным судьей, за неимением которого иногда можно даже использовать рядового нотариуса³ (хорошо еще, что не управдома).

Отрадно, что в отличие от ряда постсоветских стран инициатива о следственных судьях не нашла в России понимания ни у Верховного суда РФ, ни у Генеральной прокуратуры РФ, ни у Следственного комитета РФ, ни у значительной части научного сообщества.⁴ На данном этапе ее удалось заблокировать. Однако такого рода дестабилизирующие систему предварительного следствия инициативы будут неизбежно возникать с той или иной степенью периодичности до тех пор, пока внутри самой системы останутся нормативно заложенными несовместимые с ней институциональные элементы, а именно отнесение следователя к стороне обвинения, провозглашение полной состязательности всего уголовного процесса, включая стадию предварительного расследования (ст. 15 УПК РФ) и отрицание принципа объективной (материальной) истины. Эти элементы словно «разрывают» систему изнутри, не давая ей возможности стабилизироваться и окончательно обрести логику цельной уголовно-процессуальной модели.

В целом, при стратегической оценке перспектив российского предварительного следствия необходимо исходить из двух важнейших постулатов, которые являются своего рода *conditio sine qua non* его позитивного развития:

1) предварительное следствие необходимо сохранить, относясь к нему мак-

¹ См., например: *Смирнов А. В.* Докажите, ваша честь // Российская газета (<http://www.rg.ru/2015/01/13/sud.html>).

² *Гамбарян А. С., Симонян С. А.* Указ.соч., с. 26.

³ Там же., с. 27 – 29.

⁴ См., например: *Багмет А. М., Розовская Т. И.* Следователь или следственный судья: необходимо ли возрождение института следственных судей? // Российская юстиция. 2015. № 9, с. 55 – 59.

симально бережно, поскольку оно является системообразующим фундаментом всей отечественной системы уголовного процесса, без которого невозможно эффективное и справедливое судебное разбирательство;¹

2) предварительное следствие может позитивно развиваться только в том случае, если нам удастся устранить отмеченные выше дестабилизирующие факторы: а) отрицание беспристрастной деятельности следователя, основанной на принципе материальной (объективной) истины; б) отнесение следователя к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

Опираясь на данные постулаты, требуется решить еще несколько проблем. Коротко остановлюсь только на двух из них.

Во-первых, сегодняшний следователь в функциональном (но, конечно, не организационном) смысле остается следователем *судебным*, поскольку решает не только собственно следственные, но и юрисдикционные или, если угодно, квазисудебные задачи: собирает полноценные доказательства (так называемые «судебные доказательства»), применяет ограничивающие права граждан меры пресечения и иные меры процессуального принуждения, разрешает уголовные дела путем их прекращения, принимает от потерпевшего гражданский иск и т. п.² Забывать об исторически судебной природе многих полномочий следователя в действующем российском уголовном процессе ни в коем случае нельзя.³ Понимание данной природы – это вектор, определяющий *дух развития* российского предварительного следствия, что в каком-то смысле даже более значимо, чем конкретные «точечные» законодательные реформы.

В такой ситуации необходим поиск оптимального баланса между эффективностью того или иного ведомства, выполняющего следственные полномочия (следственного органа) и индивидуальной процессуальной самостоятельностью следователя. С одной стороны, любое эффективное и независимое ведомство всегда стремится к управленческой централизации. Кроме того, многие современные преступления (террористические акты, организованная преступность и т. п.) сегодня столь технологически сложны, что их можно расследовать только коллегиально, то есть путем образования не менее сложных комплексных ведомственных или даже межведомственных следственных групп. С другой стороны, без индивидуальной процессуальной самостоятельности следователя, без его самооценки в качестве «судебного следователя» система предварительного следствия также неизбежно будет разрушаться, поскольку, например, оценка до-

---

¹ Эта позиция разделяется сегодня в России очень многими специалистами. См., например: *Боруленков Ю. П.* Призывы к ликвидации предварительного следствия не основаны на современных российских реалиях // Организация предварительного расследования. Проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 20 ноября 2015 г.) / под ред. А. И. Бастрыкина. М., 2015, с. 21 – 22.

² См. об этом подробнее: *Курс уголовного процесса* / под ред. Л. В. Головки. М., 2016, с. 770 – 771 и др.

³ Это особенно важно после принятия Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, отказавшегося от характерной для советской модели прокурорской легитимации следственной деятельности (которая в теоретическом плане также была и остается абсолютно корректной) в пользу процессуальной самостоятельности следственных органов.

казательств в принципе не может быть «ведомственной» или «коллективной» - она представляет собой результат интеллектуальных усилий конкретного правооведа - в данном случае следователя.

Независимость следственных органов в России в значительной мере достигнута, однако нельзя забывать и о независимости (самостоятельности) отдельно взятого следователя.¹ С ней сегодня дело обстоит сложнее, особенно в условиях увеличения после 2007 г. роли руководителей следственных органов, осуществляющих в уголовном процессе процессуальный или, как принято было говорить раньше, ведомственный контроль. Если следователь по сути своей функционально является *судебным*, то к нему *mutatis mutandis* приложима судебная логика. В соответствии с ней независимость (самостоятельность) должна проявляться не только *вовне* (по отношению к другим системам), но и *внутри* самой системы, что исключает такое ее иерархическое построение, которое характерно для традиционных органов исполнительной власти. Здесь есть еще над чем подумать, но важнейшей миссией уголовно-процессуальной доктрины является постоянное напоминание о наличии данной проблемы, особенно до тех пор, пока она окончательно и внятно не преодолена в законодательстве и правоприменении.

Во-вторых, нерешенным остается злободневный для последних лет (после 2007 г.) вопрос о взаимоотношении следователя и прокурора. В такой ситуации две эффективные системы начинают конкурировать между собой, что вряд ли хорошо, так как уголовный процесс – это не коммерция, а реализация публично-правовых функций государства, когда следственные органы и прокуратура выступают элементами единой государственной системы, отстаивающей от имени общества неделимый публичный интерес.

Говоря самым схематичным образом, с точки зрения решения данного вопроса, можно выделить два гипотетически возможных варианта развития: а) в сторону не считающегося судебным следователя, полностью легитимизируемого прокурором, что придает следствию необходимую юрисдикционную природу (советская модель²); б) в сторону судебного или квази-судебного следователя, более или менее автономного от прокурора (прообраз складывающейся после 2007 г. модели, пока еще существующей умозрительно). Здесь мы по методологическим причинам рассматривали, главным образом, второй вариант, хотя первый также остается вполне приемлемым, особенно с учетом новейшего швейцарского опыта и современных французских дискуссий.

Если же исходить из теории судебного следователя, то мера его автономии от прокурора должна определяться в зависимости от степени проявления в дея-

¹ О проблеме разграничения «независимого следователя» и «независимого следственного органа» (пусть и немного в другом контексте) см., например: *Цветков Ю. А.* Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1, с. 15.

² Данная модель сегодня активно обсуждается во Франции (см., например: *Mathieu B.* Justice et politique: la déchirure? Paris. 2015. P. 74) и фактически реализована в новом УПК Швейцарии. В этом смысле советское уголовно-процессуальное право с его системой «прокурорского следствия» (следователи прокуратуры, прокурорский надзор за следствием и т. п.) скорее опережало западноевропейские правовые порядки, нежели отставало от них.

тельности следователя реальной судебной составляющей: чем она выше, тем выше степень автономии следователя от прокурора. В такой ситуации становится ясной взаимозависимость двух обозначенных нами проблем – в отсутствие индивидуально подлинно независимого (самостоятельного) следователя говорить о судебной составляющей в его деятельности (даже в сугубо функциональном смысле) пока можно лишь с достаточной долей условности, а это вновь возвращает нас к дискуссии о необходимости восстановления полноценного прокурорского надзора за следствием.

Таким образом, идея судебного следователя, коим в значительной мере функционально остается современный следователь, утративший формальную связь с судебной властью, представляет собой определенный вектор (ориентир) развития, особенно важный в российских условиях после реформ 2007 г. и ослабления прокурорского надзора за следствием. Здесь нужны не столько скоропалительные законодательные решения, сколько понимание того, что утрата вслед за прокурорской еще и остатков судебной (в функциональном смысле) составляющей окончательно лишит Россию классического предварительного следствия. Напротив, реформа 2007 г. требует восполнения в деятельности следователя «судебного дефицита», а не окончательного его превращения в «сторону обвинения», то есть некоего «сыщика-детектива» в красивой униформе из столь любимых сердцу многих реформаторов американских сериалов, встающего вместе с адвокатом в очередь к «следственному судье» для «закрепления» доказательств. Реальной и доктринально корректной альтернативой здесь может быть лишь восстановление «прокурорского дефицита», что требует уже пересмотра многих итогов российских реформ 2007 и 2010 гг., разорвавших естественную для современной отечественной модели уголовного процесса «пуповину» между прокуратурой и следствием. Но оба названных варианта не имеют никакого отношения к типовым постсоветским инициативам вроде «следственного судьи», «депонирования доказательств» и прочего уголовно-процессуального «фастфуда».

В конечном счете подлинное предварительное следствие – это не просто отечественное процессуальное наследие европейского происхождения, что само по себе требует бережного к нему отношения, но и гарантия качества уголовно-процессуальной деятельности, а потому безусловная ценность.

THE PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN PRELIMINARY INVESTIGATION IN THE CONTEXT OF THE SOME NEW INITIATIVES IN THE POST-SOVIET SPACE

Leonid Golovko

*Head of the Chair of Criminal Procedure,
Justice and Prosecutorial Oversight of the Law Faculty
of the Moscow State University named after M. Lomonosov,
Doctor of Laws, Professor (e-mail: leogol1967@gmail.com)*

The institution of investigator (judicial investigator, examining magistrate – *juge d'instruction*) is the central element of the Continental organization of criminal procedure that distinguishes it from Anglo-American model. Two fundamental signs characterize this element: 1) the procedural independence of investigator collecting the judicial evidences *pro et contra* need to determine the truth; 2) absolute impossibility to consider the investigator like an one side of the case, because he is not a side but a center of the case. The Russian CPC deformed the classical conception by declaring him as a representative of the accusation side. The logic of the next evolution brings us to the necessity to restore the status quo (it means the preservation in Russia of European preliminary investigation), or to the consequent destruction of system (it means the total abolition in Russia of the classical procedural model). The famous post-Soviet initiative to introduce the so-called “examining magistrate” (*juge de l'instruction*) must be understand exactly like a second solution, i.e. the destruction of preliminary investigation system. This initiative does not find the support in Russia. The author also considers this initiative counterproductive and calls for the alternative way of development: overcome the deformations introduced by the new Russian CPC and restore the classical European model.

ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՆԱԽՆԱԿԱՆ ՔՆՆՈՒԹՅԱՆ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՀԵՌԱՆԿԱՐՆԵՐԸ ՀԵՏԵՆՈՐՀՐԴԱՅԻՆ ՏԱՐԱԾՔՈՒՄ ՈՐՈՇ ՆՈՐԱԳՈՒՅՆ ՆԱԽԱԶԵՌՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Լեոնիդ Գոլովկո

*Մ. Վ. Լոմոնոսովի անվան Մոսկվայի պետական համալսարանի
քրեական դատավարության, արդարադատության և դատախազական
հսկողության ամբիոնի վարիչ, իրավաբանական
գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր (e-mail: leogol1967@gmail.com)*

Քննիչի (դատական քննիչի, քննիչ-դատավորի՝ *juge d'instruction*) ինստիտուտը քրեական դատավարության մայրցամաքային համակարգի կենտրոնական տարրերից մեկն է, որով այն տարբերվում է անգլո-ամերիկյան մոդելից: Այդ տարրը բնութագրվում է երկու հիմնարար հատկանիշներով.

1) ճշմարտության բացահայտման նպատակով լիարժեք *pro et contra* ապացույցներ հավաքող քննիչի դատավարական անկախությունը (ինքնուրույնությունը)։

2) քննիչին կողմերից մեկի շարքին դասելու դատավարական անհնարինությունը, քանի որ վերջինս ոչ թե կողմ է, այլ նախնական քննության կենտրոնը։

ՌԴ քրեական դատավարության օրենսգիրքը դեֆորմացիայի է ենթարկել դասական հայեցակարգը՝ քննիչին դասելով մեղադրանքի կողմը։ Հետագա զարգացման տրամաբանությունը հանգեցնում է *status quo-ի* վերականգնման անհրաժեշտությունը, ինչը ենթադրում է Ռուսաստանում եվրոպական նախնական քննության պահպանումը, կամ համակարգի հետագա ապամոնտաժմանը, ինչը ենթադրում է Ռուսաստանում դատավարության դասական մոդելի վերացում։ Հենց այս համատեքստում պետք է հասկանալ, այսպես կոչված, «քննիչ-դատավորի» պաշտոնի ներդրման՝ հետխորհրդային նախաձեռնությունը, ուղղված են գործնականում նախաքննության ապամոնտաժմանը։ Ռուսաստանում դրանք աջակցություն չգտան։ Հեղինակը նույնպես դրանք ոչ արդյունավետ է համարում և հանդես է գալիս որպես զարգացման այլընտրանքային եղանակի կողմնակից՝ առաջարկելով վերացնել ՌԴ քրեական դատավարության օրենսգրքով ներմուծված շեղումները։

Բանալի բառեր – *հետխորհրդային իրավունք, քրեական դատավարություն, քննիչ, նախնական քննություն, քննիչ-դատավորների վերաբերյալ նախաձեռնություն, Ռուսաստան*

Ключевые слова – *постсоветское право; уголовный процесс; следователь; предварительное следствие; инициатива о следственных судьях; Россия*

Keywords – *post-Soviet law; criminal procedure; investigator; preliminary investigation; initiative on the “examining magistrates”; Russia*